

Мое первое знакомство с рабочими бумажной фабрики «Октябрь» состоялось в 2008 году. Я участвовал в выставке «Политика на улицах» и для своего проекта собирал ненужный фабричный мусор. В помощники мне выделили Наталью Алексееву и Веру Андреевну – старожилов производства, проработавших здесь более двадцати лет. В последующие годы я снова и снова возвращался на «Фабрику» с выставочными проектами. В одно из таких возвращений, в процессе сбора материалов для выставки «Машина и Наташа», я узнал, что в советские годы на фабрике существовало радио. Радиорубка находилась в том месте, где сейчас расположен кабинет директора. Оттуда на протяжении десятилетий для поддержания бодрости духа и рабочего ритма в цеха транслировали любимую фабрикантами советскую эстраду: Кобзона, Ободзинского, Пугачеву и т.д. Эта история врезалась мне в память. Мне очень захотелось восстановить для оставшихся тружеников их радио. Я понимал, что сделать это в том же виде, что и в 60-80-е, невозможно. Нет ни большей части слушателей (на сегодняшний день от большого фабричного коллектива осталось около десяти человек), ни собственно цехов (на фабрике сохранился лишь один работающий цех – и даже он функционирует в лучшем случае месяц в год). Единственный вариант, который оставался – сделать вместе с оставшимися рабочими временную радиоточку, превратив ее вещание в радиоспектакль о повседневном труде фабрикантов!

Вы когда-нибудь задумывались о том, как работает и чем живет монтажная бригада в центре современного искусства? Если вы просто зритель, то скорее всего – нет. Но если вы имеете более непосредственное отношение к производственному циклу современного искусства, то наверняка задумывались – но с функциональной точки зрения. Современное искусство, все еще сохраняя остатки ремесленничества, уверенно и бесповоротно приобретает черты коллективного, индустриального производства.

И дело не только в том, что качество работ художественных коллективов с четким разделением труда порою банально выше качества работ одиночек. И не в том, что количественные характеристики производства безусловно стоят на первом месте, особенно в ситуации, когда качество имеет относительный характер. Для создания спектакля я устроился на время подготовки биеннале в монтажную бригаду и отказался от участия во всех других проектах. Сначала у меня была мысль сделать критический проект против биеннального движения, но потом стало очевидно, что в этом нет никакого смысла. Биеннальное движение уже не может выступать в качестве достойной мишени критики. Я понял, что речь скорее должна идти о критике современного искусства как особого способа капиталистического производства. Ведь ни для кого не секрет, что специфика трудовых отношений в сфере искусства толкает художников на путь мелких кооператоров. Хотят они того или нет, но по отношению к монтажникам (а в случае с реально работающей фабрикой – по отношению к рабочим) художник выступает как эксплуататор. Единственная возможность участия в такой системе – это участие на стороне рабочих, превращающее их повседневность в творческий акт.

Уже в процессе работы я узнал о существовании небольшой пьесы «Радио «Октябрь»», написанной в 1926 году Владимиром Маяковским и теоретиком производственного искусства Осипом Бриком. В пьесе рассказывается о праздновании девятой

годовщины Октябрьской революции, во время которой банкиры и государственный правители решают вновь закабалить рабочих. Но, к счастью, звучащий из радио призыв-надежда напоминает о великих завоеваниях пролетариев всех стран и призывает рабочих к продолжению борьбы. Сегодня сюжет этой пьесы звучит утопично. Но, на мой взгляд, проблемы столетней давности до сих пор не потеряли актуальности, хотя и требуют новых решений.

Проект «Радио “Октябрь”» – это радиоспектакль, записанный на несколько виниловых пластинок и созданный на основе звуковых коллажей совместно с рабочими бумажной фабрики «Октябрь» (ЦТИ «ПРОЕКТ_ФАБРИКА») в период монтажа спецпроектов 4-й Московской биеннале современного искусства. Аудиоинсталляция будет экспонирована в раздевалке рабочих, находящейся в непосредственной близости от последнего рабочего цеха. Доступ в комнату для зрителей должен согласовываться с самими рабочими и осуществляться только в случае их согласия. Деньги для реализации проекта были заработаны за месяц работы монтажником в ЦТИ «ПРОЕКТ_ФАБРИКА». Арсений Жилев
Редактор: Дмитрий Потемкин Оформление: textandpictures

Волшебный колодец

На выходных мне несколько раз звонил Сережа Хачатуров. Он курирует одну из фабричных выставок во время биеннале. Как и многие, Сережа в последнее время увлекся «производством присутствия» и теперь ревностно ратует за качественное искусство, соответствующее всем высоким требованиям Произведения. Цитирует Губмрехта, клеймит все «социалкой» и т.д. Из его уст звучит искренне. Просил, чтобы я не монтировал его выставку, потому что ему неудобно. На вопрос, что конкретно неудобно, Сережа попытался пойти на крайнюю меру и намекнуть на мое возможное участие в его проекте. Я парировал тем, что совсем не подхожу под определение настоящего художника, делающего «качественное» искусство и заверил, что ничего страшного в такой ситуации нет. Разное в жизни бывает. Ведь никто не удивляется наличию монтажных бригад на выставках. Все равно кто-то это делает – за исключением особых безбюджетных историй. Хачатуров успокоился и просил не обижаться. Мы договорились о встрече на неделе. С понедельника, то есть с сегодняшнего дня, я вышел на работу. Все было просто. Моросил дождь. Первую половину дня мы с главным инженером Сергеем Васильевичем варили каркас в полу и делали перила для нового туалета у «Оливье». Я размышлял о механике в отношениях людей и об интуиции грандиозного представления, созданного руками человека и бесповоротно меняющего наш мир! Грандиозного планетарного представления, где люди и машины вместе творили бы свое будущее! Это было почти наваждение. Возможно, виной тому был сварочный аппарат, но казалось, что, если захотеть, я смогу извергать молнии пальцами рук. Или как минимум служить заменителем мирного атома...

День состоял из простейших операций. Я что-то подобное делаю, если приходится пилить в мастерской. Замеры, мини-задачи, легкая математика, действия – потом все снова. Вторую половину дня мы с бригадиром Владимиром пилили болгаркой железный лист на каркас. Постоянно ловил себя на наивной мысли, что это чертовски

похоже на детство или радость от наблюдения салюта... Внезапно пришел Сергей Васильевич и сказал, что все плохо, потому что засорилась канализация! Это было возвращение на землю. Оставшееся до конца смены время мы гигантской пятиметровой трубой пытались попасть в паз люка, до краев наполненного дерьмом, чтобы затем прочистить все специальным жгутом. Было очень смешно. Ничего не получалось, уровень нечистот не спадал, хотя в итоге жгут мы погрузили полностью! Воняло прилично, но терпимо. Измазались все по уши. Лучшего начала трудовой недели сложно было представить! Проходящие мимо менеджеры воротили нос. А я меня это лишь еще больше веселило. Прделав очистительную операцию раз пять, было принято решение вызвать «говнососку» или завтра продолжить.

Вечером звонил Корбут, сказал, что сидит в «Оливье» монтируется. Рассказывал о новом заводе, которые можно использовать под мастерские. На сей раз в московской области — семьдесят километров всего. В октябре, когда все закончится, поедем посмотреть.

Подарок

Белла окончательно заболела. Хандрит, посмеивается надо мной. Слушаю Kenneth Higney. Утром я даже не опоздал. Был без двух минут восемь в раздевалке. Однако никто не пришел за нами. Сергей сказал, чтобы мы поспешили, потому что у «говнососки» засосало шланг и он застрял. Надо было спуститься во двор его вытаскивать. «Говносоской» руководили два колоритнейших персонажа – толстый тип странноватого вида, похожий на героя мультсериала «Черепашки ниндзя», и худой, похожий на Охлобыстина. Шланг мы достали быстро – вдоволь насмотреться не получилось. Потом была уборка территории где-то на час. Заметил, что все частенько ругаются друг с другом, иногда даже зло хоть, и не надолго. Шутят. Мусора мало. В основном листья осенние плюс окурки совсем чуть-чуть.

Мне дали задание помочь в котельной, а потом красить. В котельной хорошо. Искусственные цветы, старая елка. Золотые шары. Много кресел советских, журналы «Теле-неделя». Мой коллега Александр говорит, что тут еще есть телевизор, только он пока что у главного инженера стоит. Болтаем о работе. Говорит, раньше развозил обеды. Тысячу за раз. Только в центре сложно с парковкой. Рассказываю, что самая страшная работа в моей жизни была – разносчик пиццы. Приходилось по четырнадцать часов ходить по северу неизвестной мне тогда столицы. Антуфьев смеялся. Обеды развозить Александр перестал, потому что надоело. Теперь работает сутки через трое в котельной. Мы выбили молотком люк в большом белом котле номер один. Потом долго скоблили его ножами, чтобы стереть остатки прошлогоднего клея. Думали, придется менять прокладку. Но ничего, не пришлось. Отошла нормально, не порвали. Пришел главный. Вместе смазали люк жидкими гвоздями. Аккуратненько поставили на место отверстия в котле. Внутри там много железных цилиндров. Пахнет как чайник в мастерской. Начали устанавливать. Затягивать. Сука, не становится справа. Долго мучили, подтягивали. Справа еще латунная шайба вместо нормальной. Пришлось заменить на нормальную, нашел в шкафу. Включили воду набираться, чтобы

проверить, потечет или нет. Вроде не течет. Но надо было подождать. Сидим. Читаю «Теленеделью». Молчим. У Траволты сын умер в шестнадцать лет от эпилептического приступа. Джон с супругой благодарят всех, кто их поддержал в эту трудную минуту. Сейчас у них все получше. Родился новый ребенок. Путин рассказал о том, почему Дикаприо «настоящий мужик». Оказывается, когда актер летел в Санкт-Петербург на благотворительный концерт в поддержку сибирских тигров, у его самолета отказал двигатель. В итоге пришлось делать экстренную посадку. Премьер сказал, что машина несколько минут находилась в свободном падении. Дикаприо пересел на маленький частный самолет. Но у того не хватило топлива. Самолет совершил экстренную посадку в Хельсинки. Но мировая звезда не отступила от цели, вновь села в самолет и на сей раз благополучно приземлилась в Санкт-Петербурге, где уже ждал бордовый «Роллс-ройс» российского олигарха Хлопонина, друга Дикаприо и мужа Наоми Кэмпбелл. Наконец, Дикаприо посетил благотворительный концерт и потратил один миллион долларов на спасение усурийского тигра. Путин сказал, что таких стойких людей называют в России «настоящий мужик». Холодно. Раньше думал, что «мужик» – разговорное обращение к особи мужского пола. Оказалось, что мужик – это представитель русского крестьянства. Мужик – это мужик. Пролетарий – это пролетарий. Хотя среди российских пролетариев особенно в XIX веке было много мужиков, приезжавших на сезонные работы в город. Поэтому в отдельных регионах политика большевиков в отношении крестьян послереволюционной России натыкалась на серьезные трудности...

Ушли на обед. Сергей угостил меня куском молочного сочника. У мамы сегодня день рождения. Думаю, как организовать доставку цветов в Воронеже.

После обеда вновь пошли следить за котлом. Вдруг приходит Борис, говорит, всех зовут грузить алкоголь в восьмое строение. Пошли грузить. Надо спускать небольшие ящики с шампанским из офиса. В офисе на стенах висит сюрреалистическая живопись Ястребовой, которую она некоторое время назад продавала в Facebook. Носим ящики и материмся. Никто не хочет работать для арендаторов. Но делать нечего. Молодой человек, сказавший, какие именно ящики надо носить, лежит теперь на икеевском диване и спит. Мне носить легко. Не ворчу. Загрузили микроавтобус почти под завязку. В конце девушка из офиса поблагодарила и дала по 350 рублей. Теперь все нормально. И котел не течет.

Следующее задание. В бывшем офисе Ad Marginem надо отпилить две трубы, чтобы потом я мог спокойно целый день его красить. Офис просто шикарный. Из окна даже видно высотку. В середине зала стоит советская кровать с сеткой серебряного цвета. Ищем лестницу. Потом пилим трубы. Шутим. Пришел главный инженер, пригласил Романа. Он сварщик из ЖЕКа. Очень классный, живой, лет шестидесяти. Лихо начинает варить. Роман раскаляет арматуру за минуту! Сварка шумит не хуже какого-нибудь Merzbow. Делаю первые записи на диктофон. Материмся. Приходит девушка. Говорит, кровать – это ее. Подарили на день рождения. А мы уже думали, что сможем ее забрать в раздевалку! Расстраиваемся. Я начинаю ее уговаривать, говорю, рабочему нужно отдать, сделайте доброе дело. Она неожиданно быстро соглашается. Дарит ее

нам. Только, говорит, сначала ее раскрутите, иначе не выйдет в дверь. Мы ликуем. Роман шутит, что зря хозяйку отпустили – кому кровать нужна без девушки?! Борис счастлив. Вот это подарок! Смотрю на высотку.

Меня забирают вешать афиши к выставкам биеннале. Дождь. Полпятого. Не заходя в раздевалку, отправляюсь заказывать для мамы цветы в администрацию. Во всем здании перестал ловить мегафон. 3G не работает. Вечером зашел сфотографировал кровать. Напился кофе, почти не чувствую усталости. Ася Леонидовна рассказывает, что в бывшем офисе будет выставка Юлии Кисиной, подружки Монастыркого, «Против политики». Будут фотографии лап кошек.

Поезд в Сибирь

Утром поставили в пару к электрику Сергею. Почти не опоздал. Хотя писать после работы тяжело, это придает мне сил, а происходящему – осмысленности. Все-таки жалко, что люди перешли на Twitter и Facebook. Мы должны были подготовить держатели для кабеля и повесить светильники. Я постепенно начал понимать важность ритма в работе. Просверлил дырку – сядь покури, не спеша. Следуя этой логике первые часы работы мы потратили на поиски дюпелей, саморезов, перфоратора и пр. В какой-то момент к нам присоединился Федорыч. Второй электрик. В свое время он не смог срезать розетки из моей мастерской. Все далал чудовищно долго...

Я остался один в Ad Marginem. Электрики ушли вместе искать молоток. Федорыч вернулся один. Мы размотали удлинитель, и я начал сверлить. Когда ближе к обеду к нам заглянул главный, чтобы поинтересоваться, где же Сергей, выяснилось, что его уже нет на «Фабрике». Более того! Сергей уехал сегодня «поездом в Сибирь, на родину». Оказалось, что он приезжал в Москву на заработки и постоянно жил где-то в офисном корпусе. В общем, чтобы его не выгнали раньше времени, Сергей до последнего скрывал желание уехать. Во второй половине дня я чуть-чуть помонтировал Хачатурова и некую Лану с камнями. Решили с рабочими, что придем к ним на вернисаж. Атмосфера тяжелая, но все смеются, говорят, мы тоже так сможем намалевать! «Сергея ляжет, а я его обеду». Соглашаюсь, они правы на все сто. «Упадок культуры... Или они специально все запутывают?»

Электрификация

На «Фабрике» работают только граждане РФ. Гастарбайтеров не бывает. Если только Хаим не завезет для съемок на пару часов по утрам. Видимо, это принципиальная позиция. Зарплаты не настолько большие, чтобы за них держаться. Дело тут скорее в другом. Люди работают много лет в одном месте, многие – со времен бумажной фабрики. Большая часть нашей бригады старше пятидесяти, особых надежд на успешное нахождение высокооплачиваемой альтернативы почти нет. Отношение к труду соответствующее. Все держится на активности главного инженера Сергея Васильевича. Работаем, затягивая время, с частыми перерывами. Для меня многочисленные паузы мучительны. Банально начинает хотеться спать. Проще работать, чем сидеть без дела. И вообще я не курю. В основном смотрю в окно на бывшую гостиницу «Ленинград», вспоминаю

подростковый возраст и чувство необоснованной веры в будущее. Без ностальгии, просто вспоминаю. Работа не позволяет отвлекаться на такие сентиментальные мелочи. Даже не могу сформулировать, о чем конкретно думаю. Просто смотрю. За сегодня почти освоил квалификацию начинающего электрика. Все оказалось довольно просто. Сверлишь стену, вставляешь клипсы, протягиваешь провод в кабель, приделываешь лампы, там внутри нехитрая система подключения проводов, потом подключаешь линию в разводку – и все, собственно. Дядя Саша Федорыч шутит, что теперь, после двух увольнений электриков, я должен бросить слесарную квалификацию. Мы повесили шесть ламп в зале Кисиной. Завтра, наверное, буду его красить весь день. До Ad Marginem в этом помещении был театр «Пагендарм». Это те же люди, что предлагали Тимофею завод в подмосковье. Я знаком с ними по типографии. «Пагендарм» был одним из знаков начала заката нашего уютного псевдосквота. Если мне не изменяет память, «Пагендарму» пришлось съехать после того, как из того самого окна с видом на высотку выпала девочка в галлюциногенном забытьи. Я видел лишь одно из их представлений, как раз находясь в подходящем состоянии. Но, видимо, я уже тогда был напрочь испорчен. Поток мистических па меня не очень увлекал, буддистская музыка – тоже. А вот то, что между зрителями и актерами не было дистанции, меня откровенно радовало. Фотографы и операторы, постоянно фиксирующие происходящее архаичное буйство, казались мне главной находкой режисеров. Каково же было мое удивление, когда я узнал, что все это было случайностью.

Статус монтажных работ по выставкам неочевиден. Если мы работаем по текущим фабричным делам, ни у кого вопросов не возникает, если помогаем арендаторам – это в надежде на отдельное спасибо, если помогаем художникам, то не совсем понятно до сих пор. Ребята смеются. Говорят, что сами так тоже могут, как Корбут, например. Сiju молчу, они абсолютно правы. Но это не так интересно. В таких разговорах всегда присутствует элемент понятной обиды и разочарования. Мы много говорим о грибах и чуть-чуть о рыбалке. Все ходят за грибами по выходным. Ездят по рязанской трассе в леса. Не смогу точно передать наши беседы, надо стенографировать. Но поверьте, они полны неподдельных эмоций. Мечтаю о выходных, думал тоже пойти за грибами, если будет хорошая погода. После смены поехал на митинг против реформы образования.

Монолог

Проспал. Проснулся в 7:10. К этому времени уже должен был быть в метро. В итоге опоздал на одиннадцать минут, утренняя раздача уже подошла к концу. Ребята убрали территорию. Пошел в кабинет главного инженера. Встретил по дороге электриков, они в грубой форме сообщили о том, что я вновь работаю сегодня с ними над электрификацией туалета в «Оливье». Ненавижу Федорыча! Черт, я все проклял. Окончательно понял, что все эти электрические темы совсем не мое. Стоишь большую часть времени, смотришь, слушаешь бормотание. Раз в десять минут подашь что-нибудь. Или отпилишь болгаркой уголок. Буквально засыпаешь на ходу. В общем, я под шумок ушел в «Оливье», там остальные вешали держатели для светильников на колонны. Вот

это было по мне! Бодро, с шутками-прибаутками. Динамика какая! Художники опять же ходят. Утром приехал Умнов, привез «Монолог» из двенадцати жестяных панелей в нижней части которых есть небрежная дневниковая запись о женщинах. Все утро веселились. Сергей с Борисом боксировали. Я хохотал постоянно. Федорыч со своими лампами отходил в прошлое. Вечером он не дал мне плоскогубцы из принципа. Бедный хранитель...

Бригадира Владимира не было. Он отпросился. Вообще, постоянно кто-то отсутствует. Многие ездят учиться для того, чтобы получить разрешение на высотные работы.

Бориса забраковали по зрению. Теперь он сообщает об этом при каждом удобном случае. Особенно весело получается с туры. Меня все предупреждают, что зимой будет вообще все жестко. Придется лазить на крышу расчищать снег. И это основная забота на холодное время года. Мне бы понравилось на крыше, не знаю, почему никто не любит. Хотя холодно, конечно. Все бы хорошо – только не к электрикам.

Днем пришло больше художников. Встретил Хаима, даже помог ему перенести щит в угол к огнетушителю. Видел Наташу Зинцову, но она меня не узнала или не заметила. Мы в конце концов повесили все держатели для светильников и начали собирать «Монолог». Надо было крестом сбивать тонкие планки, придавая жести жесткости. Пришел неожиданно Глущенко, но тоже либо не заметил меня, либо не узнал. Что-то вежливо спросил и ушел. Потом пришли ЗИП, они монтируются в каландре. Мы им не помогаем, их много, сами все делают. Попросили пилу на выходные, на «Фабрике» нет, говорят. Сходили в мастерскую, дал им лобзик. Говорят на ЗИП метр квадратный стоит 70 рублей! В Москве самое дешевое – 7 тысяч в год, это, например, Электрозавод. «Фабрика» стоит почти как центр – 10-14 тысяч. Примерно столько же Artplay. Винзавод, наверное, дороже всего, не помню сколько. ЗИПы сказали, что идут к Деготь на круглый стол по самоорганизации художников. А мне еще несколько часов до конца смены, велел им передавать приветы от трудящихся. Думал о «Критике Политичной» и протестах против них. Но недолго. «Монолог» захватил с головой. Ребята вскоре ушли возить тумбы. Мы доделывали все с Борисом вдвоем. В финале, уже после окончания, смены была фееричная сцена повески собранного произведения искусства. С солирующим Сергеем Васильевичем под потолком. Так закончился самый длинный день недели и начались мои первые выходные!

Несправедливость

После двух подряд опозданий начал справляться с режимом. Вчера ходили на ужин в «Афишу». Вместо ужина были лишь закуски и алкоголь. На прошлой биеннале все было заметно помпезнее. Мы хотели быстро уйти, но в дверях столкнулись с Олейниковым и Будрайтским. В итоге весело ghjgbkb до полуночи. Пообщался с Титовым, предложил отвезти показать его коллекцию в Воронеж. Илья с Колей еще остались после нас. В конце уже началось братание с Вайбелем и прочая интернациональная дружба. Через шесть часов я ехал в метро на работу. Перечитывал «Компанию молодежи». В 8:02, когда вошел в раздевалку, уже никого не было! Пошел сразу во двор на уборку. Убирали мусор. Думал, его будет больше. Всего-то несколько мешков.

Чуть-чуть картонных столов и бутылок. Заметил, что листьев становится все больше. Совсем уже осень и прохладно. Даже нет ощущения, что действительно убирали – так много листьев. Во время перекура рабочие рассказали, что в бригаде существует иерархия на уровне заработных плат и что бригадир получает на десять тысяч больше, чем все остальные. Хотя работают все одинаково. «Это несправедливо». Я предложил поговорить с директором. Они нехотя согласились. «Только не говори, кто тебе сказал». Рабочий на «Фабрике» получает за вычетом налогов 15 тысяч рублей. В принципе, если есть жилье, на эти деньги можно выживать. Большая часть работает здесь из-за того, что больше некуда идти. Всем за пятьдесят. Сергей и дядя Витя проработали здесь уже по тридцать лет. Борис живет на «Фабрике», ему некуда идти, он развелся с женой. Я сказал, что ухожу в октябре. Как мне показалось, это всех расстроило. «Кто же будет работать-то?»

После обеда Сергей Васильевич отправил меня в грунтовалку помогать художнику. Художник объявился через полчаса – им оказалась Оля Божко. Она хотела сделать зеленую комнату. Обтянуть тканью стены и построить бокс, либо просто покрасить все в зеленый. Остановились на последнем. В грунтовалке будет выставка «Космическое государство трансцендентальных переворотов». На приглашении работа Беляева-Гинтовта. И текст о доминировании означающего над означаемым. Весь день в зал завозили стройматериалы. Продакшн небывалых для «Фабрики» масштабов. Обещали даже пол выровнять. Радуюсь, что наконец-то появится нормальный зал.

Остаток дня покупали с Широкоступом валики, скотчи и перчатки. Вечером было заседание «Март» по теме «Государство». Первый раз обсуждали у меня в мастерской. В основном спорили о классовой принадлежности людей, выполняющих карательные функции. Перед встречей успел вздремнуть.

Развеска и открытие

Два дня открытия слились в один. Даже не успел сделать записи. Главное событие – сбросил с двухметровой высоты копировальную машину. Было весело и мрачно одновременно. Отчаенная беззаботность на фоне осени, рутины и усталости. Надо было залезть в кузов погрузчика к дяде Вите и придерживаясь подняться до уровня контейнера. С этой высоты можно было видеть происходящее за фабричным забором. Сквозь почти голые ветви деревьев шли замученные клерки. Напротив находится большое офисное здание в лужковском стиле а-ля капиталистический реализм... Борис сделал несколько фото на память. Я стою в ковше погрузчика над контейнером на высоте. Победоносно поднимаю лопату вверх. Потом долго сидели у грузовых лифтов. Борис сделал еще несколько фотографий. Было просто и весело.

Во второй половине дня помогали с Сергеем в «Оливье». Вешали Егору его капеллу. Шутили. Сергею понравились работы Кошелева. «Вот, настоящее искусство! Видно, что человек старался! А не то, что камни...» За эти дни несчастные камни стали именем нарицательным для всего плохого в этом мире. Хачатуров пару раз спел. Попытался записать на диктофон, но не успел. Настроение было приподнятое. Из-за опоздания отработывал после смены. Но это было нетрудно. А вот следующий день, день

открытия, тянулся невероятно долго... Думал, сойду с ума. На вернисаж не остался. В конце рабочего дня вся бригада села в кинозал к Зинцовой. И шутя начала обсуждать схемы кинозалов в лайтбоксах. Потом приехал Мамонов, обсудили ближайшие планы по выставке в школе. Рассказывал о бразильце, делавшем портреты из мусора вместе с рабочими. Настояние скверное. Выпил алкоголя. Пять дней подряд не могу скинуть фотографии.

Малярные работы и десять самых важных людей в современном искусстве, о которых никогда не узнают читатели журнала «Афиша»

Два дня крашу стены в белый для выставки «Против политики». С утра убираем территорию и в Ad Marginem. После первых открытий кто-то забыл красный баллон. Разрисовали с Сергеем погрузчик дяди Вити. Сергей еще улыбающуюся рожу нарисовал на стене. Я себе пару отметин на желтой метле сделал, чтобы веселее было мести. А потом – как в воду. До самого конца смены. Без перекуров. Бориса мне в помощь не дали, поэтому трудился один. Идет ровно, без сбоев. Спать не хочется вообще. Второй день незаметно для себя остался после смены еще на полтора часа. Ударничество – это что-то природное. Причем никакого принуждения. Никаких бонусов... Просто ритм. Но есть черта – отношение к труду, если ее переходишь, то все. Можно делать «как надо», тогда долго, серьезно и пр. Можно делать, чтобы сделать. Переход тонкий. Порой иррациональный. Даже когда от тебя не требуют добросовестности, даже когда, наоборот, человек из-за внутренних убеждений все равно все делает как надо. Звонила Житлина из Узбекистана. Говорит, все прекрасно, только в ДК, где ей дали комнату, туалет засорился. Консультировал ее по вопросам канализации и «говнососок». Говорит, «говнососку» у них не вызвать, даже за водой приходится ходить к колодцу. Есть и другие проблемы. «Критика политична» напирает, но совершенно неясно, что же они хотят. Я, как и в случае с канализацией, выступил сторонником радикальных методов. Оля недавно полезла за виноградом на крышу с чужим мужем, тоже как бы ничего не понимая, а вышел скандал. Повеселила меня. Потом принялся дальше красить. Иосиф звонил. Поделился конфиденциальной информацией. Потом дальше красить начал. В самом начале своего малярного творчества я ходил к делу непрофессионально, даже нахально. Первый раз это было в типографии «Оригинал» в далеком 2006 или 2007 году. Мы тогда выкрасили за час свою гигантскую комнату в сто с лишним метров. Красили так, по-сквотерски. Но для выставок оказалось достаточно. Осталось доделать одну стену и все. Мне нравится мое вечернее письмо. Оно совсем непретенциозно. Неуклюже немного, но это ничего. Будто в забытье и простоте дни провожу...

Вышла биеннальная «Афиша» с рейтингами влиятельных людей искусства. Моего списка не оказалось. Приведу сокращенную переписку с Глебом Напреенко:

Арсений, здравствуйте еще раз! Я звонил вам сегодня по поводу опроса «Афиши». Итак, предлагается составить список из 20 человек, которых вы считаете самыми интересными персонажами (художниками, критиками, исследователями, коллекционерами) в современном искусстве (русском и мировом). И, если не затруднит,

дать комментарии к списку (в письменной или устной форме – если устно, можно созвониться).

Комментарии можно отдельно – позже списка.

Спасибо!

С уважением, Глеб.

Костин Сергей

Крылова Вера

Страмнов Юрий

Алексеева Наталья

Сухина Валентина

Ермолаев Виктор

Демидов Владимир

Васильев Сергей

Созонов Виктор

Казарян Эдуард

В этом списке мало имен известных широкой публике. Но это ничего не значит. Перечисленные люди – рабочие монтажных бригад выставочных пространств, на которых я тружусь. У меня нет сомнений, что именно они являются самыми интересными и важными людьми в современном искусстве. Список можно было бы существенно расширить, но к сожалению я не имею права называть имена людей, находящихся в РФ нелегально. А таких на наших площадках современного искусства большинство.

Все остальное, Глеб, суета, которой никто не вспомнит и через пару лет

С уважением, Арсений

ОК.

А можно я уже из личного интереса попробую уточнить, что вы вкладываете в такой выбор? Идею что именно рабочие совершают реальный, материальный труд, который совершенно скрыт от глаз и вытеснен из сознания всей внешней суетой и мишурой мира искусства?

художники тоже иногда занимаются нешуточным материальным трудом. рабочие же к сожалению в производственном цикле культурной индустрии занимают последнее место, порою не отличающееся от рабского труда. официальные деятели совриска наоборот часто выступают в роли формальных захватчиков, выгоняющих рабочих с фабрик и лишаящих их средств к существованию

Мне как раз написали с просьбой попросить у вас все-таки список

именно художников или критиков или кураторов.

Мне кажется, можно бы опубликовать и ваш нынешний список, но высшие силы хотят единообразия.

Ну и действительно ваше мнение о видимой поверхности художественного мира тоже интересно.

Так что, если решите написать, присылайте.

Спасибо.

Что ж значит пока что я в меньшинстве. Передавайте приветы высшим силам, ценю их стремления они меня радуют в последнее время все больше и больше)

Типичная ситуация для рф... Вы можете сделать свободный выбор из предложенных правильных вариантов))) ради единообразия.

День рождения – грустный праздник

Сегодня эпопея с покраской продолжилась. Полдня выкрашивал стены «Против политики» 3м и 4м слоем. Утром во время уборки Наталья сказала, что у Сергея день рождения! Весь день жили предвкушением. После покраски отправился в грунтовалку. Там много работы. Сначала заделывали окно в зеленой комнате Божко. Потом долго ждали проектор. Рита рассказывала, как все непросто на их выставке и как мало осталось времени. Потом с криками появились Андрей и Наталья приговские. Все это было откровенно неприятно, тем более, что времени до конца дня оставалось час. Потом все побратались и начали вместе на моем станке пилить ДВП. Странные смешанные чувства. С одной стороны, хочется не лезть в бой, с другой, наоборот, агрессия. В конце подарили нам яблок. Внутри чувство адского лицемерия от происходящего. Писать об этом не хочется. Пошли в раздевалку чуть-чуть отпраздновать. Сергей рассказал, что меня все считают подсадным казачком, который шпионит за всеми. Выпили с ним за его здоровье. Больше никого не было. Он обиделся немного, что все разъехались. Сказал, что сейчас заводы не захватывают. Другое дело в 90-е. Окончательно понял, что с идеей захвата рабочими завода и изгнания художников придется пока повременить. Вчера уволили того самого Федорыча. За пьянство. Теперь опять нет электрика на «Фабрике». Вспоминал, как этот старикан-бедалага ездил в офис «Мегафона» менять номер, потому что с него постоянно снимают по 2 рубля в день. Снимают с тех самых пор, как он попытался сыграть в «Кто хочет стать миллионером?».

Патриотическое трансцендентное

Последние два дня работы пролетели незаметно. Вечером в четверг я уезжал поездом в Воронеж на конференцию. Прощания не получилось. Все было буднично. Я поблагодарил главного инженера и пошел переодеваться. Остаться на открытие времени не было. Пусть сами со своей трансценденцией разбираются! Понял, что уже исписался к концу месяца. Большая часть навыков автоматизировалась. Постоянно хочется петь. Уже в половину пятого на нас с Сергеем набросилась женщина-художница. Она решила разместить рядом со своей живописной работой открытку с характерными

венцианскими масками, объясняя это тем, что и в открытке и в живописной работе повторялся мотив птицы. Черт, что за бред... Такую же открытку мы послали или хотели послать летом в Москву, кажется, Антуфьеву. Сергей настаивал на том, чтобы мы помогли. Хотя я был крайне против. В итоге я, не сверля стену, вставил саморез в уже имевшуюся дырку между плитками и кое-как насадил на него икеевскую рамку. Художница начала ругаться. Я ей порекомендовал впредь приходиться на монтаж своих выставок заранее, а не за два часа до открытия. Потом пришла Смоленская. Сил говорить не было, сказал, что рабочий день закончен и мне пора идти.

Не знаю, поняли ли меня. В основном работали с Трансцендентальным Космическим чем-то там... Вешали Гинтовта весь день. На следующий день перевешивали. Тумбу сделали для стеклянного объекта Мироненко. Но художник отказался ее выставлять. Побоялся вроде бы. Не знаю, странно все это. Тумба получилась, конечно, не идеальная, но вполне терпимая. Я был бы доволен такой. Все шутили над нами по поводу вчерашнего праздника. Работалось хорошо. Легко. Я много сверлил. Считал расстояния. Ребята вешали. Приходила Кисина. Рассказывала о том, почему против политики. Неубедительно. Был счастлив в конце, понял, что профессией монтажника владею на вполне профессиональном уровне.

«Надо формировать культуру базового критического взгляда на мир»

Арсений Жиляев решил не участвовать в 4-й Московской биеннале и стал работать монтажником на одной из выставочных площадок. Кроме того, он готовит новый проект «Радио „Октябрь“», который в значительной мере связан с этими двумя решениями и пройдет 7 ноября в раздевалке (комнате отдыха) рабочих на «Фабрике». Художник прокомментировал свою позицию для Aroundart.

Сергей Гуськов: Первоначально ты планировал, если не бойкотировать, то, как минимум, проигнорировать Московскую биеннале. Расскажи, чем это было вызвано.

Арсений Жиляев: Ну да, первоначальная задумка была сделать проект о монтажниках биеннале в формате интернет-радио. Группа активистов устраивалась бы на ключевые площадки в бригады рабочих и готовила с ними совместные материалы о современном искусстве и отношении рабочих к производственному процессу, в котором они занимают фактически последнее место. Этот проект не против биеннале, а скорее против современного искусства, в принципе, против искусства как особого способа производства. По моей задумке, я бы просто физически не смог участвовать и работать монтажником одновременно. Потом я подумал, что надо отказываться от всех предложений к участию и использовать биеннале в качестве рычага, но... Вскоре стало очевидно, что биеннале уже не может выполнить эту функцию. Биеннальное движение уже не то, чисто по-человечески кажется, что не та энергия.

СГ: В какой-то момент ты понял, что ты все же участвуешь в биеннале. Когда ты это осознал? Как это случилось?

АЖ: В силу обстоятельств мне пришлось сократить проект до одной площадки. В итоге, я месяц работал в бригаде рабочих в ЦТИ «ПРОЕКТ_ФАБРИКА». Результатом должен стать радио-спектакль в раздевалке рабочих. Просто в какой-то момент понял, что только такое участие может принять просто рабочий, вот собственно и осознание, ничего особенного не случилось.

СГ: Пока мы не отошли далеко от работы монтажником на «Фабрике», хочу поинтересоваться вот чем. Пару лет назад все кому не лень говорили и писали о феномене дауншифтинга. Не всегда богатые, но более-менее устроенные жители первого мира бросали свою устроенность и отправлялись жить «простой жизнью» куда-нибудь в относительно бедные страны. Опростившись, они вовсе не сливались с местным населением, скорее, наоборот, зазор становился даже больше. Некоторые страны стали преследовать дауншифтеров, которые оказывались лишним бременем для этих стран, у которых и так много проблем. Для самих дауншифтеров зачастую это простой эскапизм, никаких иных смыслов там нет. Когда художник начинает демонстративно работать монтажником, это выглядит похоже. Он словно бежит от включенности в настоящие отношения капитала и художественного производства, которые, по идее, строятся вокруг продажи работ. Когда художник, например, платит работами за мастерскую (при этом значительно проигрывая в цене), он включен в реальный процесс, это все, может быть, и ужасно, но это отрезвляет и заставляет смотреть на реальность во все глаза, а когда художник пытается увильнуть из этой — действительно, местами неприятной — сферы, в подобных действиях начинают видеть какую-то наигранность.

АЖ: Я не очень большой специалист в вопросах дауншифтинга. Все, что я о нем знаю, я почерпнул из видео Лошака, на выставке в Проуне. Как правило, речь там шла о толстосумах, оправлявшихся в Гоа подзаряжаться духовной энергией. Не думаю, что это кому-то мешало, наоборот такой духовный туризм. По поводу величины зазоров тоже не мне судить. Здесь все сложно и неоднозначно. Понятно, что большая часть людей в этих историях не вызывает доверия. Но в тоже время нельзя отказывать людям в праве на изменения. Их импульс мне как раз очень понятен. Богатые тоже плачут. Это же почти библейские истории. Проблема в том, что у нас нет в мировом масштабе разделяемой и уже осязаемой альтернативы. Но есть запрос на изменения. Знаешь, как оккупанты Уолл-стрит, которые никак не могут определиться с четкими требованиями, но они едины в жажде перемен и не желают мириться с якобы лучшим из возможных миров. Мне кажется поход на завод, как и стремления оккупантов Уолл-Стрит, это как раз альтернатива дауншифтингу, это игра на повышение. Когда ты идешь на завод, ты фактически ставишь вопрос о легитимности собственного производства, ты готов его разделить вместе со всеми участниками производственного процесса, идешь к

основам, это жест демократизации и усиления в отличии от поездки в Гоа, где ты прикидываешься слабым и бежишь от реальности. И потом это почти классическая активистская практика идти на завод с агитацией или более широко идти в народ. У нее есть совершенно определенные цели, и эти цели в чем-то пересекаются с импульсом дауншифтеров, но предлагают более активную, наступательную позицию. Мне понравился задор Цветкова, призывающего левых перестать играть в жертву и выступать с более атакующих позиций. Правда, при этом он отказывает искусству в возможности артикуляции позитивных альтернатив. Мол, только критика. Но это дискуссионный момент. А так только вперед! Потом, в корне с тобой не согласен, что художественный процесс строится на продаже работ. Далеко не всегда. Ну, а прочие контакты на совести самих участников процесса. Если они оправданы реальной практикой и политикой, почему бы и нет? Если, например, Давид Тер-Оганьян делает выставку поделок на тему политики и молодежного веселья на деньги своих спонсоров, и эта выставка реально помогает приблизить желаемые изменения, почему бы нет? Хотя бы повеселились, хорошо. В наши смутные времена люди радуются любой возможности услышать слова о том, что иной мир возможен. Другой случай. Если выставка без денег, безб*дная, но выставка ничего не добавляет, то что с нее толку? Поэтому, знаешь, кто-то платит, а кто-то вовсе нет. Видишь, ты сам в рассуждениях выдаешь оценку рабочим как второсортным людям, к которым художник пытается прибиться. Я могу сказать тебе, что заработная плата на фабрике, если смотреть в среднем сопоставима и даже порой выше доходов художника. Только вот часто мы находимся по разные стороны баррикад. Монтажники воспринимают художников как эксплуататоров, смотрят на современное искусство, как на издевательство, оторванное от реальной жизни. И они во многих случаях бывают правы! Моя задача была в том, чтобы показать, что микроскопом все же можно забивать гвозди.

СГ: Ты зря говоришь, что я оцениваю людей по сортам. Это не так. У меня есть опыт тяжелого физического труда и опыт интеллектуального труда. Я не скажу, что интеллектуальный труд чем-то хуже, зачастую он более сложный и сил на него тратится гораздо больше. Забивать гвозди микроскопом, возможно, интересно, но все же, как мне кажется, оставить микроскопу и гвоздям те функции, какие у них есть. Если же подобный переход, нарушение функциональных конвенций происходит, это требует серьезной аргументации. Пока что ты изложил факты, а мне и читателям интересна аргументация.

АЖ: Не стоит делать из меня фетишиста тяжелого физического труда, который якобы сложнее, чем интеллектуальный труд. Дело не в этом, а в том, что за отношения стоят за этим трудом. Современная капиталистическая система подталкивает художника на путь мелкого собственника, как ты правильно заметил, в производственный цикл которого включаются в том числе рабочие. И вопрос в том, как мы к этому относимся, осознаем ли мы это. Я помню забастовку монтажников Лувра во время скандально известной выставки российского искусства в прошлом году. Они отказались

выставлять свет, вешать некоторые работы. Так была осуществлена жесткая критика и без того не самой благополучной выставки. Знаешь, как в песне поется: кто был ничем, тот станет всем. Нарушение функциональных конвенций — это и есть разрушения классового деления, навязываемого нам системой искусства и разрушения границ скучного тяжелого труда и креативного, художнического. Аргументация? Отчуждение труда, эксплуатация, присвоение прибавочного продукта реального или же символического. Мир неизбежно подталкивает все более и более пролетаризирующихся художников и работников сферы услуг к солидаризации с возрождающимся рабочим движением и организации массовых протестов против капиталистической системы. Посмотри, что в мире происходит? Арабская весна, массовые выступления и бунты по всему миру! И видимо, дальше больше. Основной аргумент — внутри данной системы отношений невозможно найти адекватного решения экономических и социальных проблем. Что нужно сделать, чтобы рабочий стал творцом своей истории? Как и сто лет назад, надо дать ему возможность для этого, указать на его силу. Искусство — один из инструментов для этого.

СГ: Работая монтажником, ты начал фиксировать свою работу и выкладывать небольшие заметки на фейсбуке. Чем тебя заинтересовала такая очерковая деятельность?

АЖ: Это было спонтанное решение. Мне хотелось сохранить в памяти этот опыт. Ничего лучше дневниковых заметок я не придумал. Потом знаешь, они получились как реплика в сторону производственной литературы, соединяющей жизнь и реальность. Автобиография, написанная с точки зрения производственного процесса. Разве это не сводит с ума? Литература факта — это мощнейший прорыв XX века! Посмотри, ведь современная блогосфера является ее внучкой! Конечно, в ней много психологизма, индивидуализма. Но и мы пока что живем в капиталистическом обществе.

СГ: У тебя произошел забавный инцидент с журналом «Афиша», когда они просили у тебя 10 самых важных фигур в искусстве, ты назвал монтажников с «Фабрики», а им это не понравилось. Что ты можешь сказать вообще о позиции сегодняшних СМИ? Что можно этому противопоставить?

АЖ: Там еще были два имени с Винзавода и много людей, которых мы не можем называть, так как у них нет регистрации. Позиция современных СМИ, по крайней мере, в искусстве, как мне кажется, к счастью, довольно гетерогенна. Есть раздел искусства OpenSpace, под руководством Деготь, который всячески разрушает либеральный консенсус нашего общества и причем делает это довольно успешно, не теряя качества продукции. Есть Agroundart в рамках которого мы можем с тобой довольно свободно беседовать, что уже неплохо. Ну, «Архроника» значительно прибавила в части дизайна... Это тоже неплохо, но ты сам все понимаешь. «ХЖ» остается нашим, к сожалению, единственным, но все же форпостом милитантной критики. Есть «Что делать?», которые довольно подробно и артикулированно работают с насущными

проблемами. Но, к сожалению, все это навряд ли могло бы претендовать на высокую читабельность... «Афиша» в основном стараниями Сапрыкина удерживает трезвый, более-менее критический взгляд на происходящее. Но в целом журнал как правило, не выходит за рамки либеральных приличий. Как и в случае с рейтингом самых важных людей в современном искусстве. Выберите, что хотите, но сделайте — правильный выбор! Если вдруг выберете неправильное, что-то непонятное, типа монтажников, это просто уберут. Или, другой пример, напечатать прямую речь о создании профсоюза творческих работников, но вырезать из нее фразу о необходимости социалистической альтернативы. Из недавнего — в комплиментарной рецензии на того же Цветкова долго рассказывается, как он замечательный автор и блаблабла, а потом неожиданно в конце — что-то типа «все бы хорошо, но неужели автор всерьез верит в отмену частной собственности и в прочие коммунистические бредни». В общем, классическое кофе без кофеина, по Жижекю. Какое-то время назад после событий в Химках была волна интереса к протестным субкультурам. Один молодежный гляцевый журнал собирался делать номер об Антифа, причем после левого номера и номера о Мао. А в другом писали о светских блондинках, которые теперь только и трепяются о социализме. Но... После Манежной площади как-то все сникло. А теперь уж и вообще прошлогодний снег. Я очень надеюсь, что в какой-то момент наши законодатели субкультурных мод поймут, что расслабленные бледные мальчики остались в 2000-х и теперь неудачники, помимо растянутых свитеров и засвеченных фотокарточек, ходят на собрание ячейки и верят в будущее человечества, которое немислимо внутри капиталистической системы. И уверяю тебя, так будет. А пока этого не произошло мы можем готовить почву и противопоставлять пусть не так часто выходящий и не таким большим тиражом, но от этого не менее достойные — газету «Социалист» и портал Рабкор точка ру.

СГ: Ты упомянул слово «мода», которое я неоднократно слышал от тебя. Кроме того, от упомянутого тобой Цветкова я слышу слово «поп-марксизм». В принципе, здесь мы возвращаемся к давнему спору о том, какие вещи поддаются популяризации, а какие — нет. Какие опасности или, наоборот, перспективы ты видишь в использовании таких инструментов, как мода и апелляция к масскульту? До какой степени эти средства могут служить цели, ради которой все делается?

АЖ: Думаю, что в нашем случае это вполне оправдано. Просто такой современный вид пропаганды. Надо формировать базовую культуру критического взгляда на мир. И здесь все средства хороши. Даже в своем популяризированном варианте марксизм оказывается чудовищно продуктивной системой анализа происходящих в мире процессов. В своих базовых аспектах он до сих пор актуален. А об опасностях и перспективах можно будет говорить, когда на этом пути будут достигнуты определенные успехи.

СГ: Давай вернемся к биеннале. Ты видел часть биеннальных проектов, потому что монтировал их, и, кроме того, ты посетил некоторые выставки вне «Фабрики». Какие

мысли у тебя родились в связи с увиденным? Проекты биеннале повлияли каким-либо образом на проект «Радио „Октябрь“», который ты готовишь?

АЖ: Нет, проекты биеннале совершенно не повлияли, а лишь упрочили мое нехорошее мнение о происходящем в российском искусстве. Основной проект мне показался очень непричесанным и окончательно превращающим искусство в интерактивный аттракцион, разбавляемый для проформы время от времени инъекциями чего-то близкого реальности. Главный скандал осени — вокруг арт-сквота, как мне кажется, окончательно развенчал мифы о возможности существования сегодня критического сообщества за рамками инсталляций на выставке Виктора Мизиано. Бродя в поисках входа и сталкиваясь с презренными лицами рабочих, особенно после смены на «Фабрике», сильно меняешь отношение к автономным объектам искусства на тему политики. Разного рода критичные золотые юбки, абстракции, отсылающие к исторической памяти, смотрятся странно. То же касается и нашей нестабильной жизни. При всем уважении и любви к нашей профсоюзной активистке Маше Чехонадских такие выставки «отличников» про тяжелую жизнь в недостроенных элитных комплексах, полных замученных работяг, смотрятся неубедительно. Зачем и для кого это делается? Для тех, кто приходит на выставку в недостроенный элитный комплекс, чтобы прикоснуться к протестному драйву и истинной дружбе специально упакованной и готовой к потреблению? Знаешь, первоначальная идея Бочавар была сделать выставку о московских комьюнити, поэтому собственно «сквот». Так вот та пассивность, с которой была в чистую проиграна эта ситуация, при том, что в сквоте было 5-6 близких по духу критически выставок — сообществ, которые не смогли выработать общую позицию в отношении происходящего означает, что никакого комьюнити нет или что оно находится в ситуации мощнейшей мутации. Я бы перенес весь «арт-сквот» целиком в ММСИ и сделал бы выставку «Невозможное сообщество 2». Единственная выставка привлекавшая мое внимание скорее в позитивном ключе была «Аудитория Москва», но из-за занятости я смог присутствовать лишь на паре обсуждений. Этот формат наиболее близок мне на сегодняшний день, собственно «Радио „Октябрь“» по-своему об этом же. Но, к сожалению, аудитория «Аудитории Москва» для меня неочевидна. Это не рабочие, это не служащие, это, в основном, профессионалы от искусства, зависающие над схваткой. Рифф и Деготь справедливо указывают на бюрократизацию левого искусства, на порой его еще более мощные претензии на автономию, чем модернистского искусства, на то, что оно делается для важных кураторов и пр. Однако сами по форме делают именно такое правильное авангардное левое искусство. Без усилий, направленных на то, чтобы «эскиз публичного пространства» начал воплощаться в жизнь, он всегда будет неубедительным. Замечание Бикбова по поводу почти полного игнорирования на уровне дискуссий того факта, что на пороге здания «Аудитории» были убиты Маркелов и Бабурова, маркирует для меня неготовность совершать демократические шаги, воплощать эскиз в жизнь, не боясь этой ответственности. Быть настоящим большевиком от искусства, оставаясь в келье, где проходят собрания авангардной ячейки — оксюморон. Вслед за Деготь можно повторить, что, если первая

волна кризиса дала нам «Войну», то вторая волна кризиса должна дать нам авангард, но уже с интеллектуальными амбициями. И прежде всего, эти амбиции должны воплощаться в четкой политической позиции и стремлении ее воплощать в жизнь, не прикрываясь названием «художник».

СГ: Чуть выше ты говорил о формировании базовой культуры критического взгляда, для чего все средства хороши. Не думал ли ты о захвате больших проектов, вроде биеннале с этой целью? При всех претензиях к биеннале, у нее огромная аудитория, которой на данный момент предлагают исключительно аттракционы, как ты справедливо заметил.

АЖ: Сложный вопрос. Если предполагать, что у тебя существует бесконечный ресурс, то безусловно да! Но с другой стороны, если у тебя есть такой ресурс, зачем тебе биеннале? Его аудитория значительно меньше, чем аудитория какого-нибудь гэга на ютьюбе. На прошлой Берлинской биеннале, проходившей в кройцберге анархисты очень активно поработали — рассылали анкеты, участвовали в обсуждениях, если не ошибаюсь, даже захватили на один день экспозицию. А вот сейчас, видишь Жмиевски говорит, что сам предложил захватить, но никто не взял. Никому эта Берлинская биеннале не нужна, кроме художников. А вот, если бы предложил банк или завод, мне кажется, был бы другой разговор. Вот у меня похожее чувство в отношении московского биеннале. Биеннале, перефразируя Жмиевского, это не цель, тем более, в России. Да, оно такое, какое есть. Много популизма, аттракционов. Но оно и выполняет популяризаторские цели. Четыре года подряд учит интеллигенцию смотреть на искусство, и это уже неплохо. В принципе, «Аудитория» ставила тот же вопрос. Использовать ресурсы уже существующих институций для создания прогрессивного проекта новой свободной институции. Это такой вариант мирной революции. Ну, конечно, вопрос — бывает ли такое. Знаешь, есть циничная история в тему. Кожев в свое время, услышав о небольшом количестве убитых и раненных на улицах Парижа 1968 года воскликнул: «Разве это революция?» И по-своему был прав. У меня нет ответа на этот вопрос, но в современных условиях я бы как можно более пристально разобрал именно опыт «Аудитории», сделал бы выводы и попытался пойти еще дальше. Альтернатив, по сути, не так много. Просто с практической точки зрения. Проще действовать другим путем. Вот, например, написать письмо Жмиевски! И взять Берлин! Тем более, если дадут!

Максим, привет!

высылаю тебе текст, понимаю, что успеть совсем почти нереально, но все же. я подумал, что в принципе есть вероятность что пойду печатать самостоятельно на принтере или ксероксе. завод / единственная контора с единственным станком который должен был сделать пластинку сообщил, что станок сломался и теперь придется ставить все с сиди...

но вдруг повезет)))

вот в общем такая история дебильная. думаю что надо наверное а5, можно меньше, но боюсь так резать сложно будет

